

М. Шильман

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ПРАКТИКА ПОЗНАНИЯ

Постметафизическая мысль, атакуя классическую модель познания, вызвала «эпистемологическую мутацию» (П. Визгин) или даже «эпистемологическую революцию» (М. Кукарцева) в гуманитарном знании. Ее воздействие, изменившее контуры исторической эпистемологии, приняла на себя как историография, так и философия истории. Дискредитация их модерновых принципов – исключение самой возможности абсолютного наблюдателя/теоретика, находящегося вместе с наблюдаемым объектом в абсолютной системе отсчета – создала все основания для отказа от эпистемологического фундаментализма. Однако, при всех различиях модернистского и постмодернистского подходов условием их (де)конструктивного диалога остается постоянная игра между прошлым и настоящим, между теорией и практикой, а «их общим эпистемологическим полем, несомненно, является посткантианство» (И. Олабарри).

Критический пересмотр свода методологических требований исторической дисциплины и философский анализ технологии исторического письма составили весомую часть современного, поставленного во всей своей «эпистемологической полноте» (Ж.-Ф. Лиотар), «основного вопроса» о формах, научности, легитимности и «природе» нарративного знания. Недоверие к метанарративам, хоронящее «сумасшедшие претензии» (Ф. Бродель) на написание всей истории мира, обусловило бескомпромиссную квалификацию любых реализаций властных/фиксированных отношений между настоящим и прошлым как дань «универсалистскому» взгляду (Я. Хинтиikka) в исторической эпистемологии.

Новая философия истории констатировала, что любая сциентизация истории требует адекватного «эпистемологического оправдания» (Х. Уайт), а традиционная историография – как форма «дисциплинарной власти», стратегия (о)владения прошлым – демонстрирует «эпистемологическую авторитарность» (М. Фуко), свойственную теоретическим дисциплинам вообще. С выводом о том, что отношения власти небезразличны для эпистемологии и методологии научного познания, в фокусе исключительного интереса философии оказывается среда, посредством которой подобная власть осуществляется, – т.е. язык.

Представление о прозрачном языке исторического описания, который должен – прямо или косвенно – говорить обо всем прошлом в целом, вызывает «эпистемологическую фиксацию, стимулирующую фиксацию онтологическую» (Ф. Анкерсмит). Подобная установка формирует понятие об «объективной» исторической реальности, – неизменной, существующей независимо от историка и адекватно репрезентируемой «сквозь» его текст, т.е. выражаемой в знании о ней. Эпистемологии остается изучать стабильные и зафиксированные отношения между описываемым и языком описания, а задача исследователя сводится к

соблюдению максимального «эпистемологического воздержания» (Е. Трубина) во имя достижения предельной прозрачности исторического текста.

С уяснением того факта, что сам язык, кажущийся нейтральным средством коммуникации с прошлым – «эпистемологическая категория» (Р. Барт), «воздержание» (как залог объективности) выдало «эпистемологическое верование» в прогресс

[85]

глобального знания (К. Лепти), оборачивающееся «эпистемологической наивностью» и «онтологической самонадеянностью» (Ф. Анкерсмит).

С «расдисциплинированием» гуманитарных наук (О. Эксле) лингвистика начинает играть для них роль «эпистемологического образца» (Ж. Деррида), а недовольство «бременем истории» – вскрывать необходимость «эпистемологического освобождения» как исторического письма, так и исторического прошлого. Постмодернизм потребовал «вернуть прошлому его собственное достоинство» (Й. Рюзен) путем разрушения генетической связи прошлого и настоящего. Тем самым он инициировал становление современной исторической эпистемологии, которая упирается во «внутренне противоречивую задачу построения эпистемологического моста над... онтологической пропастью между субъектом и объектом, между языком и миром» (Ф. Анкерсмит). Специфика же постройки этого моста состоит в том, у него нет опоры на надежное прошлое.

Так как «прошлое непосредственно» эпистемологически бесполезно (Ф. Анкерсмит), поскольку к нему нет «эпистемологического доступа» (А. Данто), историк всегда имеет дело с операциональным прошлым. Такое прошлое не обладает самостоятельной природой и не дано историку. Оно конструируется в нарративах, которые не состоят с ним в каких-либо стабильных отношениях и не служат нейтральными дискурсивными формами. Таким образом, текст историка не репрезентирует прошлое, а решает «эпистемологическую проблему агрегации данных в целое» (П. Рикер), *изображая* их в нарративной связности. В тексте производится познаваемое прошлое с «присущими» ему качествами, что указывает на «эпистемологическую вторичность» этого прошлого. Соответственно, и знание об этом «онтологически ненадежном» прошлом является своего рода «подержанным знанием» (*second-hand knowledge*) (Е. Доманская).

В таких условиях одной из задач философии истории является выработка современной исторической эпистемологии с испытанием ее «интеллектуальных возможностей» (П. Рикер). Делая интересующий исследователя предмет интеллектуальным, она есть, по большей мере, не теория познания, а когнитивная практика конструирования/производства того синтетического прошлого, которое впоследствии фигурирует(ся) в исторических текстах. Безусловно, в центре ее внимания оказываются не вопросы принципа и эффективности «работы» эпистемологического зазора при установленном властном (со)отношении историка и прошлого, но анализ технологий (пере)установления этих отношений, возможности игр различий и дистанций между меняющимся настоящим и вариативным прошлым. Открывающиеся при этом новые пути «историзирования/формирования/фигурирования прошлого» (К. Дженкинс)

подразумевают, с одной стороны, дальнейшее нарушение жесткой кантианской демаркации между эпистемологией и онтологией с признанием того, что «эпистемология творит онтологию» (Г. Башляр). С другой стороны, конструктивный аспект исторической эпистемологии может быть рассмотрен и с помощью кантовского понятия продуктивного воображения, способного обеспечивать производство/представление/восприятие «отсутствующего», но некоторым образом доступного познаваемого предмета, т.е. (из/во)ображаемого прошлого.

[86]